

ОХОТНИК

12+

Елена Демченко

Елена Демченко

ОХОТНИК

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Демченко Е. Ю.

Охотник / Е. Ю. Демченко — «ЛитРес: Самиздат», 2020

На что ты готов, чтобы сберечь свой мир? Чтобы вернуть его из небытия?
Магия, наука, параллельные вселенные...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Макс возвращался домой. Он не спешил. Дежурство закончено, можно расслабиться. Хотя, как раз расслабиться ему удавалось редко. Особенно после дежурства, когда, несмотря на двенадцатичасовое бдение, чувства обострены, рефлексy отточены, нервы... нет, вот с нервами всё в порядке. Напрягаться до звона он им никогда не позволял. Никто не верил, что при его работе можно всегда оставаться хладнокровным. Максим лишь улыбался слегка и загадочно, но никого не разубеждал и правоту свою не доказывал. И чувствовать он умел, и сопереживать, и радоваться жизни. Иногда. В последнее время, правда, редко. Но на работе прятал самого себя так глубоко в подсознание, что, если и не превращался в робота, то был близок к тому. Ноль эмоций, только расчёт, точность, удар на поражение. По-иному работу патрульного он не мыслил. Не один он, но не у всех получалась так, как у него. Далеко не у всех.

Суперменом Макс себя не считал, полагая, что на успехах, какими бы они ни были, останавливаться нельзя, надо стремиться к овладению следующим этапом мастерства, поэтому тренировался регулярно, поблажек не делал ни в чём.

Он надеялся однажды отправиться в космос – одна из причин, по которой пошёл в патрульные; не военная, но всё-таки служба, и навыки, опять же специфичные, без которых не обойтись в экстремальных условиях.

Проект, однако, разрабатывался медленно, хотя всем было понятно, что с Земли рано или поздно придётся уходить, и скорее всё-таки раньше, ибо задержка не сулила ничего доброго. Но в верхах сидят не просто консерваторы и оппозиционисты прогресса даже в сегодняшнем, пародийном виде. Они, прежде всего люди. Обычные люди, уставшие. Может и до конца не отказавшиеся от борьбы, но уже сдавшие много позиций.

Все устали. Все. Ну, какой смысл прыгать и прыгать в кувшине, из которого не выбраться? В кувшине-то не молоко, чтобы масло потом сбить, а вода. Прыгай, не прыгай, опереться всё равно не на что будет.

Устали. Смирились с неизбежностью. Только вид делают, что ещё на что-то надеются, проекты новые открывают, идеи выдвигают, пытаются себя обмануть. Но на деле никому уже ничего не интересно. Это – тоже часть расплаты за прежние ошибки. И неважно, кто виноват. Кто конкретно. Все виноваты. Все – часть единого человечества, а значит ответственность в равной степени на всех. Да никто ведь и не спорит. Уже не спорит. Потому что бесполезно. Потому что уже всё решили за нас.

Дорога под ногами чуть поскрипывала. Или так только казалось? Не может она явно скрипеть под ничтожным весом человека, древесина прочнее алмаза, тяжелее... с чем сравнить-то? Да не с чем сравнивать. Из такого дерева можно космические корабли строить, если б поддавалось обработке. Не поддаётся в том-то всё и дело.

Когда начали расти первые Деревья, и пресса, и телевидение прямо-таки захлёбывались от восторга: надо же, какой подарок природы! Какие блестящие перспективы в использовании!.. А оказалось, никакой не подарок. Совсем наоборот. Наказание! Кара – так точнее. Деревья спиливали, они росли и становились всё крепче, не поддаваясь ни топорам, ни пилам. Их корчевали, они росли. Их пробовали жечь, они не горели. Их пробовали взрывать, травили химией, напускали естественных вредителей, жуков всяких, гусениц прожорливых и прочую дрянь. Деревья росли. Росли отовсюду, даже из воды, из песка, в горах и пустынях. Росли пугающе быстро и изменяли мир вокруг. Изменяли облик планеты, которую человек запакостил до безобразия...

Мир без Деревьев Максим помнил, правда, смутно: был ещё очень маленьким. Тогда наступление на города ещё не началось. Теперь же, спустя тридцать лет, кольца Лесов начали

сжиматься вокруг мегаполисов, постепенно прорастая сквозь окраины и медленно проникая всё глубже.

Краем глаза Максим заметил движение слева. Кто-то осторожно крался параллельным курсом. Расплывчатая тень, меняющая очертания. Сумеречник. Дежурство окончено, винтовка зачехлена; пока достанешь, да подготовишь к бою... Фу, да какой там бой! Ради клочка дыма не стоит и беспокоиться. Смертельной опасности он не представляет. Неприятно, конечно, кашлять полдня, да с покрасневшими глазами ходить, но не смертельно. Вне дежурства нельзя расходовать боезаряды. Мало кто, конечно, придерживается этого запрета, да и не запрета вовсе, а, скорее, рекомендации об экономии. Но сумеречник не стоит и того. Резким движением правой руки Макс метнул в темноту леса луч света маленького, но мощного фонаря. Сумеречник взвизгнул жалобно, почти по-человечески, брызнул клочками темноты и исчез в чаще.

Макс вошёл в город, который, вообще-то, начался значительно раньше, но в домах, завоёванных Лесом, давно никто не жил, невозможно в них было жить: Деревья прорастали насквозь, ломали стены, крушили самые глубокие фундаменты и самые высокие крыши. По какой-то странности некоторые здания не рушились сразу, стояли памятниками самим себе с ветвями, торчащими из окон и дверей, украшенные пышной кудрявой зеленью. А уж зелени вокруг хоть отбавляй! Она не меркнет даже зимой, жесткие сочные листья спокойно выдерживают морозы.

Сильных морозов нет уже давно, климат заметно потеплел, но холода, от которых обычные растения защищаются спокон веков переходом в зимний анабиоз, Деревьям не просто не страшны. Они даже не замедляют рост молодых побегов!

Макс спрыгнул с ветки, по которой шёл, и остановился, вглядываясь в панораму города, раскинувшегося у подножия холма. Лес наступал со всех сторон, стекал волнами по склонам, заполнял овраги и русла речек, воду которых впитывал без остатка.

Горизонт, правда, пока был чист, но уже и там, в бесконечной когда-то дали, угадывалась тонкая зелёная линия.

Народу на улицах почти не было. Редкий пешеход отважится перед приближением сумерек прогуливаться так близко от кромки Леса. В центре, может, и продолжается ещё дневная жизнь, а здесь, в поглощаемых темнотой окраинах, уже давно тихо и пусто.

Тонкая полупрозрачная нить потянулась с крыши одного из зданий. Медленно вытягиваясь вверх, она постепенно утолщалась на конце, превращаясь в воронку и всё больше бледнея и растворяясь в сумеречной синеве. Да и так не было бы видно, не пересеки её закатный луч. Макс ощутил дуновение ветра, слабенькое сначала – так, намёк – но с каждой секундой сильнее.

Воронка над крышей расширялась. Стало видно, что она вращается против часовой стрелки. Максиму пришло вдруг в голову, что источником ветра является именно воронка!..

Постепенно над ней закрубилось небольшое белое облачко, но вечерняя тень окончательно легла на город, поглотив таинственное явление. Потом стих и ветер.

Опомнившись, Максим поудобнее устроил винтовку за плечом и почти бегом поспешил к приземистому зданию с вывеской "Полицейская управа. Отдел патрулирования". Надо же! Увлёкся таинственным зрелищем, совсем забыл, что безопасного времени осталось не так много. Кто знает, какая нечисть выползет из Леса? И будет ли эффективен против неё стандартный боезаряд? Службы ночного патрулирования вооружены лучше, но и они не рискуют выходить за границу города.

Окно начальника управы светилось. Пока последний дневной патрульный не доложит о возвращении, свет будет гореть, а начальник – находиться на своём месте, командно-диспетчерском посту. В обязанности это не входит, но за тридцать лет его службы не было случая, чтобы он не встретил последнего патрульного, сколь поздно бы тот ни вернулся. Если вернулся...

И в этот раз он ходил взад-вперёд по тесноватой комнатке диспетчерской. Хмуро глянул на вошедшего Максима и вместо приветствия буркнул:

– Что так долго?

– И тебе добрый вечер, Палыч. Все вернулись?

– Ты последний. Всякий раз в твоё дежурство ломаю голову, на какое очередное геройство тебя потянет? Что на этот раз? Сражался с войском Лесного Царя?

– Ну, не совсем, – Макс плюхнулся в кресло возле пульта, который давным-давно бездействовал, но стоял, как напоминание о других временах, без Деревьев, чьё электромагнитное поле делало невозможным использование электроники. Начальник управы давно грозился демонтировать пульт за ненадобностью и сдать ценный металл, но, когда оставался один, начищал все его клавиши, экраны и рукоятки замшевым лоскутом до зеркального блеска.

– Парочку Змеев Горынычей пристрелил и только-то!

– Всё бы тебе балагурить! А люди волнуются!

– Ну, извини. Иди домой, Палыч. Виктория Петровна извелась, наверное?

– Она привычная. Женой патрульного не каждая может быть, а мы уже почти сорок лет вместе. Да и нет её дома. Отправил к дочери в центр. Там поспокойнее. Завтра вещи соберу и тоже перееду. Гонит нас Лес, гонит. Обложил со всех сторон, как дичь. Скоро и бежать некуда будет.

Он усмехнулся.

– Конец света всегда предрекали в огне, в дыму, с шумом и гамом. Никто и предположить не мог, что он будет наступать тихонько, в пышной зелени...

– Да брось ты раньше времени хоронить мир! Что с тобой сегодня?

Начальник устало опустился в соседнее кресло.

– Состарился, наверное. В каждом из вас вижу сыновей и тревожусь за каждого. Мне-то хоть есть, что вспомнить, каким всё раньше было, а ты, небось, и телевизора не застал...

– Застал, – возразил Макс. – Хотя совершенно не скучаю, в отличие от тебя.

– Да я тоже не скучаю, – поморщился Палыч. – Без него лучше. Театр я всегда любил, живое искусство, живую музыку... Да ведь не о том речь.

– Ладно, брось. Будущее было, есть и будет, как завещал нам великий э-э-э.... кто завещал, Палыч?

– Винтовку убери. Все патроны расстрелял?

– Не все, не бойся. По сумеречникам не палил, леших избегал, досталось только Горынычам. И то пол обоймы цело.

Максим изволил подняться и аккуратно вставил оружие в крепёж оружейного шкафа.

– Пойду, пожалуй.

Палыч, уже одетый, стоял в дверях.

– Завтра жду тебя с утра.

– У меня выходной!

– Отменяется выходной. Есть работа.

– А прошение моё подписал?

– Вернёшься с задания, подпишу.

– С задания? Какого?

– Завтра, – махнул рукой Палыч, – Всё завтра. Отдыхай.

Домой Макс дошёл быстро. Он не так далеко жил от управы, да и вообще предпочитал ходить пешком или, при необходимости, бегать, полагая, что дополнительная тренировка не помешает в любое время.

Дом его располагался не на самой окраине, но в довольно обезлюдившем районе. Соседи по улице перебрались поближе к центру города, но Макс не торопился последовать их примеру. Прямой опасности из Леса пока не наблюдалось, с мелкими неприятностями он справлялся. Ему нравилась тишина и малолюдность, нравился дом, в котором родился, который помнил всю его семью до пятого колена. Конечно, дом теперь великоват для одного-единственного жильца, но Макс всё равно решил оставаться в нём до последнего. Будь, что будет.

Резная дубовая дверь бесшумно распахнулась, впуская хозяина. Макс вошёл в уютную знакомую темноту прихожей, чиркнул спичкой, зажигая свечу.

Заржавевший насос противно заскрипел, и Макс, качая воду в ванну, в который раз подумал, что пора бы его смазать.

Греть воду не стал; дров совсем мало осталось. Помылся в холодной, растёрся докрасна полотенцем и почувствовал, что усталости как не бывало.

Бросил в закипевшую воду в котелке брикет суточного пайка и, пока тот разваривался, зажёл пару свечей в канделябре и пошёл в спальню.

Возле двери обо что-то споткнулся, упал, но успел рефлекторно сгруппироваться, перекувыркнулся и снова вскочил на ноги. Подсвечник отлетел в сторону. Одна свеча погасла, но другая продолжала гореть, и её трепетный огонёк выхватил из сумрака торчащий из пола голый штырь сантиметров десяти высотой. Если бы Максим наступил на него, проткнул бы ногу насквозь.

Макс поднёс свечу ближе. Коричневатый острейший штырь – и не штырь вовсе, а молодой росток. Деревья добрались и до его дома. Вот и всё. Можно собирать вещи. Меньше чем через месяц от старого особняка останутся одни развалины. Досадно. Тем более что вокруг столько брошенных домов, относительно целых, во всяком случае, Деревьями не тронутых. Пока. Переселиться что ли в один из них? Не очень удачное решение. Раз Лес начал атаку на эту часть города, не пощадит ничего. И никого тоже. Вот чёрт. А он-то надеялся хотя бы год ещё здесь прожить. Впрочем, что изменилось бы? Успел бы вместо столь нежелательного переезда в центр отправиться в Космос? Ну и сколько можно тешить себя несбыточными надеждами? Из всей Управы, похоже, только он один верит, что космический проект будет всё-таки осуществлён. Палыч, вот, почти в открытую посмеивается над ним, поэтому и прошение не подписывает. Чего ради него терять патрульного, коли их и так мало?

Макс принёс из кухни короб для овощей – тяжёлый объёмистый ящик – и накрыл им росток Дерева, потом прошёл по всему дому, внимательно вглядываясь в полы и стены. Ничего. Похоже, поросль в коридоре пока единственная. Слабое утешение, но всё же. Ну, хотя бы переночевать сегодня ещё можно, а то и несколько дней в запасе. Посмотрим. Деревья всё-таки медленнее бамбука растут. Спасибо им за это.

Палыч, уставший, осунувшийся и постаревший ещё больше, официально представил его худой, загорелой, блондинке с упрямой тонкой линией губ, отчего лицо её казалось надменным. Блондинка окинула его цепким взглядом пронизательных карих глаз и, похоже, осталась довольна.

– Максим Селиванов, дневной патрульный бета сектора.

Макс церемонно поклонился.

– Весна Мирослава Барашкова, старший научный сотрудник центрального института общей биологии и генетики. Садись, Максим.

Макс сел во вращающееся кресло возле безмолвного диспетчерского пульта.

– Вобщем... центральный институт обратился к нам с просьбой проводить их сотрудника для выполнения научного исследования... – Палыч не смотрел на Максима и слова подбирал как-то неестественно. Лгать он не умел, но и правду почему-то сейчас говорить не хотел.

– Позвольте мне, – Весна Мирослава Барашкова заговорила неожиданно мягким низким голосом с прибалтийским акцентом. Все, однако, сейчас говорили с тем или иным акцентом. Народы перемешались, границы стёрлись, и порой можно было встретить представителей довольно экзотичных рас.

– Максим...

– Даниилович.

– Максим Даниилович, по мнению Николая Павловича, вы лучше всех знаете подходы к первому барьеру...

– К первому? Разве есть ещё?

– По нашим данным их, как минимум, три. Так вот, мне нужно попасть к барьеру, и вы меня проводите.

– Могу я спросить, зачем вам к барьеру?

– Спросить, конечно, можете, – она говорила очень непривычно. "Конечно" у неё так и звучало, по буквам, а не как обычно говорят славяне "канешно". – Но причины вам знать необязательно. Скажем так, моя экспедиция преследует научные, биологические цели. Думаю, этого достаточно для ответа. Мы отправляемся через два часа. Домой можете не возвращаться. Всем необходимым Николай Павлович вас обеспечит. Он предупреждён. А сейчас прошу извинить, мне надо отлучиться по делам. Буду ждать вас на улице. Прошу не опаздывать.

Она вышла. Макс отметил, что походка у неё упругая и спортивная.

– Что происходит, Палыч? – Максим повернулся к нахмуренному начальнику управы. – Почему сушенная ботаника института генетики командует здесь, аки царица Савская?

Палыч устало потер ладонями лицо.

– Делай, как она говорит, Макс. Я ничего дополнительно сказать тебе не могу. Поверь только, что так будет лучше всем нам. Всем. Понимаешь? Просто поверь, как я поверил. А что нам ещё остаётся? Уныло ждать бесславного конца?.. И в то же время я чувствую, что мы сами далеко не во всём правы.

Он покачал головой.

– Нет. Если ещё хоть что-то можно сделать... Проводи её до барьера, а там пусть, как знает. От тебя ничего больше не требуется.

– Понятно. Понадобился сторожевой пёс без права голоса.

– Вроде того.

Спустя ровно два часа, Макс в универсальном комбинезоне патрульного, с рюкзаком, ждал во дворе.

– Вы пунктуальны, – биолог Барашкова одобительно кивнула. – Точность – очень хорошее качество.

И быстрым шагом потопала к выходу из города.

– Макс, – Палыч протянул ему на прощание руку, – Возвращайтесь.

– Обязательно. – Максим пожал сильную крупную ладонь своего начальника.

Некоторое время они так и шли: впереди резво и спортивно бежала биологиня, а в некотором отдалении – Максим. Когда здание управы скрылось из виду, он остановился, снял рюкзак, сел на обломок бетонного блока и стал ждать. Примерно через полчаса биологиня вернулась, раскрасневшаяся и сердитая.

– В чём дело, Максим Селиванович? Вы нездоровы? Или не хотите меня сопровождать? Почему вы не идёте?

– Сколько вопросов! Но позвольте сначала мне кое-что выяснить.

– Только недолго.

Она тоже сняла рюкзак и уселась напротив Максима.

– Мирослава Барашковна, вы были когда-нибудь в Лесу?

– Конечно. Если вы забыли, я – биолог.

– Наверное, вы не поняли. Не в лесу, а в Лесу.

– Что вы хотите сказать?

– А то, что есть разница

– По-вашему я не знаю?

– Мне кажется, нет. Не до конца. Если в лесу самый опасный зверь – ёжик, то в Лесу самый безопасный – руконогий вампир. Он не сделает вам больно до последней капли вашей крови, которую перекачает в себя, пока вы спите...

– Для этого вы со мной и идёте, чтобы предупреждать опасность.

– Да! А посему, дамочка, давайте договоримся: вы перестаёте командовать, держитесь позади и выполняете беспрекословно и главное – быстро любое моё распоряжение.

– Так-таки любое? – фыркнула биологиня.

– Любое! – весомо повторил Макс. – Если я прикажу вам раздеться, вы должны будете сделать это немедленно, потому как именно от этого может зависеть в ту минуту ваша жизнь. Если вы согласны, мы идем дальше. Если нет, вы идёте одна. Со своей жизнью вы вольны поступать, как вздумается, а я охраняю покой простых мирных людей и не буду рисковать своей миссией во имя чьего-то сумасбродства. Понимаете, мне всё равно, чем вы пригрозили Николаю Павловичу и почему он вас побаивается. Надо мной у вас власти нет.

Вздыхнув коротко, биологиня вновь надела рюкзак.

– Ваши условия принимаются, Максим Селиванович.

– Даниилович.

– Простите.

– Называйте меня просто Максимом.

И он зашагал вперёд.

Сначала они шли быстро. Пока путь пролегал недалеко от города, серьёзной опасности не наблюдалось, и можно было двигаться, не опасаясь чьих-то клыкастых челюстей, ядовитых шипов и щупалец, норовящих обмотаться вокруг шеи или сломать позвоночник.

– Откуда здесь такая благоустроенная дорога? – биологиня Барашкова бежала, не отставая от своего проводника-телохранителя и совершенно не сбив дыхания. – Это что-то из прежних времён?

– Это не дорога, – откликнулся Максим. – Это ветка Древа. Она единственная в округе, но это уже настоящее Древо, а не авангардный Лес, который простирается вокруг.

– Боже! Я и не думала, что уже так близко!..

– Не близко, – успокоил Макс. – Минимальное расстояние до барьера сто километров. Максимальное – около шестисот. Граница неравномерная.

– Всё равно очень близко.

– Что же делать? Остановить процесс невозможно. Значит, надо искать другие пути.

– О чём это вы?

– О космическом проекте. Как вы думаете, он реален? В принципе?

– В принципе реален, – кивнула биологиня. – Но среди множества мнений о целесообразности главенствует Протест. Сторонники Протеста, а их немало, можете поверить, придерживаются догмы, что раз все мы – дети природы, дети своей планеты, почему мы должны покинуть её, покинуть наш дом? Природа не вправе с нами так обходиться.

– Уже обошлась. Разве исчерпаны не все методы борьбы с Матушкой? Не все попытки доказать, что мы умеем брыкаться и кусаться? Только непохоже, чтобы она испугалась нашего гнева. Или новоявленные протестанты ратуют вовсе не за борьбу, а за принятие конца с пением

псалмов и гимнов, покорно склонив головы? Ну, уж нет! Раз Матушка отказалась от своих детей, надо покинуть её.

– Не всё так просто. Видите ли, Максим...

– Стойте! – вдруг оборвал он, резко остановившись. Биологиня с ходу налетела на его выставленную в сторону руку.

Впереди отчётливо вздрагивала земля, раскачивались ветки деревьев, гудели стволы. Пробираясь сквозь них, как сквозь траву, на дорогу выползала огромная округлая туша, покрытая чешуйками, размером с хорошее блюдо и окрашенными в причудливый пёстрый узор. Передняя часть туши остановилась, а сзади продолжалось движение, исполинское туловище выпирало вверх, изгибалось. Потом передний конец вдруг взметнулся в небо на высоту пятиэтажного дома и снова упал, неожиданно мягко, далеко вперёд. И начался новый цикл движения...

– Мадонна! – прошептала биологиня. – Да это гусеница! Но какова должна быть птица, которая может её склевать?!

– Ну, нам её не стоит опасаться. Если такая птица есть, нас она просто не заметит. Какая гастрономическая польза от двух микробов?

По счастью путь гусеницы проходил поперёк пути людей. Около получаса пришлось ждать, пока монстр проползёт. После него в лесу осталась широкая просека.

– А если э т о направится к городу?!...

– Не направится, – покачал головой Максим. – Ещё не было случая. Они в целом безобидны. Мы их даже не отстреливаем. Но на всякий случай город обнесён частоколом. Вы же видели.

– Так это от них?

– Да. Более серьёзного и крупного зверя он не задержит. Поэтому и созданы патрули, днём и ночью охраняющие периметр. Вы сильно устали?

– Нет.

– Не стесняйтесь. Нам надо до темноты выйти из леса, а значит, придётся идти ещё быстрее. Лучше немного отдохнуть.

– Как скажете, командир.

С явным облегчением Весна Мирослава сбросила с плеч лямки рюкзака. Рубашка под ними и на спине была мокрая от пота.

– Что у вас в рюкзаке такое тяжёлое?

– О, ничего! Просто походный набор. Кроме того, я ведь женщина и не могу обходиться без определённых мелочей, без косметики...

– Что-то я не заметил, чтобы вы косметикой пользовались, – покачал головой Макс. Весна улыбнулась.

– Косметика – это не только румяна, помада, тушь для ресниц. Кроме того, высшее искусство нанесения декоративной косметики, когда её совершенно не видно.

– Зачем же тогда наносить? – удивился Максим.

– Это – наш секрет, секрет женских чар, обаяния и ещё кое-чего, что мужчине никогда не понять.

Она порылась в рюкзаке, достала пластиковый пакет с бутербродом. Протянула Макс.

– Угощайтесь.

– Спасибо, – слегка смутился тот. – У меня есть брикет.

– Берите-берите! Это, конечно, белковый заменитель, не настоящее мясо, но на вкус почти не отличишь и, уж конечно, лучше вашего пайка из сухой резины.

Настоящее мясо или нет, но бутерброд с ним и кусочком поджаренного хлеба оказался очень вкусен.

– Как здесь красиво! – Весна сидела на своём рюкзаке и с удовольствием оглядывала окрестности. Пейзаж и, правда, был великолепным: высоченные деревья с пышной листвой или хвоей, шелковистая нежная трава, огромные, живописно разбросанные валуны, острова цветов фантастических форм и окрасок. И над всем – бездонной синевы небо, перечёркнутое редкими полосами белоснежных облаков.

– Трудно поверить, что это великолепие может таить враждебность.

– Эта красота не для нас, – кивнул Макс. – Авангардный лес несёт предупреждение, что следом движется барьер из Деревьев.

– Говорили когда-то, что красота спасёт мир, а получается, что как раз она его губит.

– Она губит не мир, а нас. Человек в гордыне своей считал всегда, что мир без него не может обойтись, что создан специально для него, а вот дали ему понять, что он-то как раз лишний в гармонии и красоте. Пойдёмте, Весна.

– Да. – Она быстренько расчесалась, перехватила волосы в хвост резинкой и вскинула на плечи рюкзак. В нём что-то глухобрякнуло. Максим покачал головой, но ничего не сказал.

Ближе к вечеру они углубились в лес.

– Разве не проще дойти до Дерева по ветке? – удивилась Весна, когда Максим свернул в сторону.

– Нет, – отрезал он. – Вам же нужно к барьеру и побыстрее?

– А ветка не кончится у барьера?

– Конечно, кончится. Километров через пятьсот. Кроме того, безопасные места мы миновали и теперь на открытой дороге будем хорошей мишенью для желающих поохотиться.

Чуть в стороне от них заматались многочисленные тени. Весна вздрогнула от неожиданности.

– Что это?

– Это сумеречники. Бояться их не надо, но берегите глаза.

– Похожи на приведения. Они – живые существа?

– Нет, мёртвые! – съязвил Макс и повёл лучом фонаря по сторонам. Сумеречники взвизгивали и разлетались. Один подплыл к Весне и замер. Она заворожённо смотрела на него, потом медленно протянула руку. Сумеречник подождал прикосновения и взорвался облачком чёрной сажи. Биологиня охнула от неожиданности и закашлялась.

– Я же сказал, осторожнее!.. Не трите глаза! Стойте спокойно.

Макс достал из кармана комбинезона платок и тщательно смахнул чёрный пепел с лица спутницы. Из покрасневших глаз её градом катились слёзы, оставляя грязно-серые дорожки на испачканном лице.

– А вам даже идёт!

– Боже мой... я, наверное... ужасно выгляжу?! – не переставая кашлять, сокрушалась Весна.

– Для маскировки сойдёт, – успокоил её Макс, – Или для карнавала чертей.

– Вы так любезны!

– Нечего обижаться. Мы же договорились о подчинении. Помните?

– Да. Извините. Вы правы, я сама напросилась на неприятность. Но и вы поймите правильно: я ведь, прежде всего исследователь.

На это Макс ничего не ответил.

– Господи, да когда же кашель кончится?

– Дня через три.

– Вы это серьёзно?!

– Нет. Через пару часов придёте в норму.

– Как же я пойду? Глаз открыть не могу.

– Держите, – Максим вложил ей в руку конец ремня от рюкзака. – На руках я вас не понесу. Отпустите конец, пеняйте на себя. Будете ночевать там, где остановитесь. Нянчиться с вами не собираюсь.

Так они и шли: впереди Максим, за ним – биологиня; шли на удивление ровно и достаточно быстро.

Когда почти совсем стемнело, они успели добраться до широкой ровной поляны, покрытой нежной, мягчайшей на вид травкой.

– Какое чудесное место! – проворковала Весна. – Вы обещали кучу опасностей, а до сих пор мы видели только прекрасные пейзажи, да небольшую гусеницу! Но поверьте, я не в претензии!

– Это хорошо. Значит, вы не передумали слушаться?

– А что такое?

– Да нет, пока ничего. Располагайтесь. Ночевать будем здесь.

– Почему не на поляне?

– Две причины. Ночью на охоту выходит большинство хищников. На открытом месте мы будем хорошей приманкой. Вторая же причина – это не поляна. Это болото.

Весна хмыкнула недоверчиво, но спорить не решилась. Развязала рюкзак, достала одеяло, какие-то вещички. Распустила волосы, чтобы причесаться.

Макс постоял некоторое время, прислушиваясь и внимательно вглядываясь в сумеречный лес.

– Вы умеете лазать по деревьям?

– Это шутка?

– Нисколько. Боюсь, это необходимость... Ну-ка быстренько, взяли вещи, и – вон на то толстое дерево.

– Я не...

– Шевелитесь! – повысил голос Макс. Сам же развязал ремешок и достал из бокового кармана туго свёрнутый рулончик. Потом подхватил рюкзак и побежал к огромному раскидистому дубу. Весна, что-то недовольно бормоча, уже взбиралась по стволу. Макс полез за ней вслед. На высоте нескольких метров, держась одной рукой за небольшой сук, другой сделал резкое движение, и рулончик в его руке упруго развернулся и обмотался вокруг ствола, образовав своеобразный пояс, густо утыканный расправившимися шипами. Затем Макс поднялся ещё выше, до толстой ветки или, скорее разветвления дерева на два ствола. Привязал рюкзак, чтобы тот не свалился ненароком. Зарядил винтовку.

– Весна, вы меня слышите? Где вы там? Вам удобно?

– Слышу, – приглушённо донеслось сверху. – странные вопросы вы задаёте, Максим Се... э-э.. Данилович. Я бывала в экзотических местах, много путешествовала, но жить на дереве мне не приходилось. Конечно, неудобно! Мы здесь надолго? Или может, это – учебная тревога? Для, так сказать, поддержания имиджа? Тогда можно я спущусь? Возьму одеяло, а то немного жёстко. Обещаю вернуться!.. Что это шумит внизу? Кажется, там что-то бежит?!... Не руконогий вампир случайно?!

– Нет. Ночные ползуны. Такие, знаете, длинненькие, с острыми зубками и хвостиками с колючками. Они очень прожорливы и...

– Не надо! – взмолилась она. – Не пугайте меня. Мы здесь в безопасности?

– Утром увидим. Если все руки-ноги на месте будут и в приличном состоянии...

Весна что-то пробурчала, и по сыплющимся листьям и веточкам Максим понял, что она полезла выше.

Коготки заскребли по коре: некто или нечто, почуяв интересное, стало взбираться на дерево. Макс снял винтовку с предохранителя, направил ствол вниз, луч фонарика выхватил на миг мордочку с горящими красными глазками-бусинками и оскаленную пасть с тремя рядами

длинных игольчатых зубов. Кожистые перепончатые псевдокрылья трепетали, не в силах поднять хозяина в воздух, но, не позволяя ему разбиться при падении.

Зверь наткнулся на ремень с шипами, взвизгнул и упал вниз. Следом раздалось ещё несколько взвизгиваний. Всю короткую летнюю ночь то и дело маленькие монстры пытались добраться до людей, но тех надёжно защищал частокол колючек. К счастью, никто более крупный, нежели ползуны, не пожаловал в гости, и ночь можно было бы назвать относительно спокойной, если бы не поднятые с болота беготнёй монстриков тучи комаров. Они кусались сквозь плотную ткань комбинезона, даже кожа ботинок, казалось, им нипочём! Макс старался не замечать их, но противное зудение над ухом не давало заснуть, и лишь под самое утро удалось задремать на часик.

Солнечный луч пощекотал веки, скользнул теплом по щеке. Максим открыл глаза. Посмотрел вниз. Ползунов не было, но земля вокруг, между деревьями, была исполосована глубокими бороздками. Ни травинки не осталось, ни хвоинки, ни кусочка коры. Чистая испанная земля. Хоть огород сажай.

Всё тело затекло от неудобной позы в течение нескольких часов. Макс, морщась и ругаясь сквозь зубы, слез с дуба, помахал руками и попрыгал, разгоняя кровь, сделал несколько упражнений в качестве утренней разминки. Потом намочил в росе носовой платок и протёр лицо.

Весна со стонами сползла со своей ветки, сделала несколько неуверенных шагов и заметила вдруг перепаханную землю.

– Что это? Кто это сделал?

– Догадайтесь, – буркнул Макс.

– Ночные гости?

– Верно.

– Я где-то тут вчера оставила некоторые вещи... О, нет! Какой ужас!!

Максим хмыкнул, глядя, как биологиня сокрушается над останками того, что вчера не успела собрать из-за поспешного бегства. Одеядло было распущено на тонкие верёвочки, всё прочее изгрызено в клочки, кусочки и бесформенную массу.

– Не сокрушайтесь так. Здесь есть и положительная сторона. В таком виде могли оказаться и мы, если бы не успели спрятаться. Или вы лишились чего-то действительно ценного?

Билогиня не уловила сарказма в голосе Макса.

– Моя косметика, зеркало, щетка!.. Я обречена выглядеть пугалом.

– Это уж точно.

– Что?

– Нет, ничего. Даже хорошо, что вы не видите своего отражения.

– Всё так плохо?!

Макс снова хмыкнул, но предпочёл не отвечать.

– Здесь нельзя где-нибудь набрать воды? Вы говорили, там болото? Значит, есть хоть какая-то вода?

– Возьмите немного мха, вот здесь, с краю. Мох влажный, вполне годен для умывания. А в болоте не вода, а жидкая грязь. Других источников здесь нет. Только то, что даёт атмосфера. А питьевую нашу воду не расходуйте по пустякам.

– По-вашему это пустяки?!

– Конечно.

Макс развёл небольшой костёр. Когда дрова прогорели, положил на тлеющие угли брикет в фольгированной обёртке.

– Подкрепиться не желаете?

– Нет, – пробурчала биологиня, старательно натирая лицо и руки пучками мха. – У меня нет аппетита.

– Как хотите.

Приведя себя в относительный порядок, Весна смотрела, как Макс упаковывает свой рюкзак.

– Скажите, Максим, вы от природы такой чёрствый или только со мной?

– Разве вам есть дело до моих чувств?

– А почему нет?

– Вам виднее. Собрались? Пойдёмте.

Казалось, лесу не будет конца. Шли, правда, медленно, продираясь через густые переплетения ветвей, обходя огромные поваленные стволы, поросшие вездесущим мхом и грибами. Иногда приходилось пролазить под ними, и тогда при неосторожном движении за шиворот сыпались кусочки коры, всякая шелуха вкупе с жуками древоедами и глянцево-коричневыми многоножками.

Пару раз Максиму пришлось-таки применить оружие и отогнать выстрелами чрезмерно любопытного трёхметрового варанчика. Вообще-то случаев нападения варанов на людей не было до сих пор, но всё когда-то бывает впервые.

На усталость Весна не жаловалась, крепилась, но плелась сзади и периодически делала один-два глотка из фляги с водой. Когда буреломы остались позади, лес поредел, и путники вышли на широкую поляну, Весна со стоном сняла рюкзак и упала на белый песок, кое-где поросший редкой жёлтой травой.

– Встаньте, Мирослава Барашковна, – мягко сказал Максим.

– Не могу! Мне надо отдохнуть!

– Если вы сейчас же не поднимитесь, рискуете быть съеденной, потому что улеглись на муравейник.

– О, нет! – Весна мгновенно взвилась на ноги и огляделась. – Вы пошутили?! Я ничего не вижу!

Макс покачал головой.

– Я редко шучу. Если вы чего-то не видите, не значит, что этого нет. Давайте отойдём вон на тот край, там и отдохнём...

– Одного не понимаю, почему здесь так сухо? В лесу должно быть прохладно и влажно! А здесь росы – и той почти нет!

– Это же не обычный лес! Авангардный! Те же самые Деревья, только что-то вроде корневой поросли. Пройдёт время, и они превратятся в Барьер.

– Деревья не горят, а вы разводили костёр...

– Когда они выпивают всю влагу на мили вокруг себя, от прежней растительности остаётся сушняк.

– Да, конечно, – кивнула Весна, – Я не подумала.

– Не желаете перекусить напоследок?

– Нет. Мне хочется только пить и пить... А почему напоследок?

– Потому что наше путешествие подходит к концу.

Весна огляделась.

– Я не вижу цели нашего путешествия. Вы должны были сопроводить меня до Барьера.

– Барьер в двадцати километрах отсюда. Вон там, где скалы. Правда, их отсюда плоховато видно. И не надо делать обиженное лицо. Я не собираюсь бросать вас на полпути, но скалы – это и есть Барьер, да и не скалы в привычном понимании, а Деревья, вернее, прикорневая часть стволов. Они не растут вверх, как свечки, а изгибаются порой весьма причудливо. И, если стоишь у подножия холма, трудно понять, что перед тобой по сути растения, а не горы.

– Это впечатляет, – кивнула Весна.

– Но прежде, чем мы двинемся в путь, я хотел бы все-таки кое-что уточнить. Честно говоря, мне нет дела до истинной цели вашего вояжа и до способа, каким вы собираетесь вернуться обратно в одиночку, тем более что кое-какие меры вы предприняли для этого. Мне даже неинтересно, кто вы на самом деле ...

– Что значит, кто я?

– Например, вы не биолог. Кое-что вам известно, но не более чем простому смертному, не специалисту. Сцену с сумеречником вы подстроили намеренно, зная о его особенностях. Вам нужно было, чтобы вас считали беспомощной, временно лишённой зрения, чтобы я расслабился, потерял бдительность и перестал наблюдать за вами. Что вы подбросили мне в рюкзак? Небольшое взрывное устройство? Инъектор с быстродействующим (надеюсь!) ядом?

– Всего лишь небольшой амнизатор, – тихо сказала Весна. На Максима она не смотрела. – Вы уснули бы, а когда проснулись, ничего бы не помнили о последних трёх днях. Вашего опыта и рефлексов, думаю, хватило бы, чтобы во время сна не быть кем-нибудь съеденным.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Макс. – А сами намеревались вернуться, используя ультразвуковые маяки, которые устанавливали по дороге, когда я думал, что вы почти ничего не видите после контакта с сумеречником?

– Вы и об этом проводали?

– Не сразу, – кивнул Макс. – Сначала я вам поверил. На мысль об ультразвуке меня натолкнули ползуны. Они никогда не собираются в стаи и отличаются пассивностью. В возбуждение их могло привести что-то крайне необычное, например, источник ультразвука, который они прекрасно слышат и который должен быть достаточно мощным.

– Ну, не очень-то и мощный!..

– Уберите инъектор, Весна.

Макс кинул ей свой рюкзак. Биологиня молча пошарила в нём и вытащила небольшой тускло поблёскивающий шарик.

– Надеюсь, был всего один?

Весна бросила на Макса сердитый взгляд, когда тот забирал у неё рюкзак, потом отхлебнула из своей фляжки.

– Число моих преступлений не настолько велико, чтобы вы бросили меня прямо здесь?

– Если вы отдохнули, пойдёмте.

Максим встал и, не оглядываясь, пошёл в сторону далёких серых скал, чьи очертания слегка размывались в горячем воздухе, струящемся от нагретого

Двадцать километров самой настоящей пустыни предстояло преодолеть до Барьера. Ноги глубоко вязли в сухом песке, мельчайшая пыль, вздымающаяся при каждом шаге, скрипела на зубах, раздирала горло, лезла в нос, даже, несмотря на плотные платки, которыми путешественники обмотали лица. Весна снова начала кашлять. Макс крепился, как мог.

– Немножко бы дождя не помешало, – прохрипел он. – Но беда в том, что в этот период их почти не бывает.

– Господи! Как же я не сообразила!

Весна остановилась и стянула с плеч рюкзак.

– В чём дело? – оглянулся Макс. – Совсем выдохлись?

– Потерпите чуть-чуть, и ваше любопытство будет удовлетворено.

Вопреки ожиданиям она не уселась отдыхать, а постояла немного, сосредотачиваясь, и стала медленно поднимать руки ладонями вверх. Макс наблюдал внимательно, но без интереса.

Через пару минут подул лёгкий ветер, зашуршал песок. Время шло. Ветер крепчал с каждой секундой. Весна стояла, как изваяние античной богини с поднятыми руками, а примерно в метре над её головой крутился сначала почти невидимый, тоненький как шнур смерч. Полупрозрачный, лишь слегка преломляющий солнечные лучи, смерч постепенно уплотнялся, рос вверх и вширь. Ветер кружил вокруг него, превращаясь в настоящий ураган. И вот уже не "стеклянный" шнур, а исполинская сизая воронка наполняла себя и небеса вокруг себя пылью и сгущающимися тучами.

Первые капли дождя упали на иссушённую землю.

Очень быстро дождь перешёл в ливень. Тугие, жгуче холодные струи били в песок, вздымая его фонтанами и превращая в жидкую грязь. Свернула огромная молния, вонзилась ветвящимся концом куда-то за лес, где остался Город. Грохот грома потряс округу до Барьера и дальше.

Весна даже не шелохнулась. Она стояла с простёртыми к небу руками, закрыв глаза, а чудовищная воронка над её головой росла, бурлила и наполнялась мраком.

Макс стянул с лица намокший платок, сбросил рюкзак и подскочил к спутнице.

– Весна! Опомнитесь! Что вы делаете?! – тряс он её за плечи. Струи ледяного ливня, смешанного с ветром, хлестали по лицу, рукам. Песок уже не мог впитать всю воду, и она собиралась под ногами огромными лужами.

– Весна! – Макс похлопал её по мокрым холодным щекам. Биологиня, наконец, открыла глаза, встрепенулась и с усталым вздохом опустила руки. Воронка тут же втянулась в облака. Ветер стих. Ливень ещё некоторое время барабанил по лужам, затем пошёл на убыль. В разрыве туч блеснуло солнце.

Максим снял прилипшую к телу рубашку и принялся тщательно её отжимать.

– Я, кажется, немного не рассчитала силы, – виновато улыбнулась Весна.

– Да уж! – буркнул Макс. – Не хотите выжать одежду? Обещаю в вашу сторону не смотреть, коль здесь негде спрятаться.

– Догадываюсь, что вы предпочли бы вообще не встречаться со мной.

Макс покосился в её сторону, но тут же отвернулся.

– Не понимаю только, зачем вам понадобился проводник и охранник, коль вы сама – могущественная колдунья?

– А вы верите в колдунов? – в уставшем голосе зазвучали лукавые нотки. – Нет, друг мой, я далека от мистики и всего, так или иначе с нею связанного. Любой человек обладает силой достаточной, по крайней мере, вызвать дождь. Надо лишь потренироваться, почувствовать себя частью мира, впитать его энергию и направить, например, на образование облаков.

– Вот как? Значит, всё просто? Почему же спокон веков люди страдали от засухи? Леса – от пожаров? Чего бы легче: р-раз и вызвать дождь, где надо? И нет проблем!

– Не знаю. Это не в моей компетенции. Но думаю, человек настолько привык считать себя зависимым от природы, от любых проявлений её характера и особенностей, что просто пасует. А может нельзя вмешиваться в естественные процессы, и нам когда-то было сие известно? Потом причина забылась, но подсознательный запрет остался?

– Разве сама природа не страдает от собственных же "проявлений характера"?

– Неудобство для человека не есть неудобство для природы. Она мудрее нас и сама знает, что и когда ей лучше... Кстати, можете повернуться.

Весна успела привести себя в порядок. Мокрая одежда была выжата, волосы расчёсаны и распущены по плечам. Кожа сияла чистотой, на щеках горел румянец, синие глаза блестели. Максим подумал, что оказывается, она совсем не дурнушка, какой показалась при первой встрече, и какой выглядела последнее время из-за неприятных приключений, выпавших на её долю. Да и лет, похоже, ей гораздо меньше, чем казалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.